

Лев Николаевич Толстой

Девчонки умнее стариков

Святая была ранняя. Только на санях бросили ездить. На дворах снег лежал, и по деревне ручьи текли. Натекла промежду двух дворов в проулке из-под навоза лужа большая. И собрались к этой луже две девчонки из разных дворов — одна поменьше, другая постарше. Обеих девчонок матери в новые сарафаны одели. На маленькой — синий, а на большенькой желтый с разводами. Обеих красными платками повязали. Вышли девочки после обедни к луже, показали друг дружке свои наряды и стали играть. И захотелось им побрызгаться в воде. Полезла было маленькая в башмачках в лужу, а старшенькая и говорит:

— Не ходи, Малаша, — мать заругается. Дай я разуюсь, и ты разуйся.

Разулись девчонки, подобрались и пошли по луже друг дружке навстречу. Вошла Малашка по щиколку и говорит:

— Глубоко, Акулюшка, — я боюсь.

— Ничего, — говорит, — глубже не будет. Иди прямо на меня.

Стали сходитьсь. Акулька и говорит:

— Ты, Малаша, смотри не брызжи, а потихонечку.

Только сказала, а Малашка бултых ногой по воде, — прямо на Акулькин сарафан брызнуло. Сарафан забрызгало, и на нос и в глаза попало. Увидала Акулька на сарафане пятна, раздосадовалась на Малашку, разругалась, побежала за ней, хотела побить. Испугалась Малашка, видит, что беду наделала, выскочила из лужи, побежала домой. Шла мимо Акулькина мать, увидала — на дочке сарафан забрызган и рубаха запачкана.

— Где ты, подлая, изгваздалась?

— Меня Малашка нарочно забрызгала.

Схватила Акулькина мать Малашку, ударила ее по затылку. Завыла Малашка на всю улицу. Вышла Малашкина мать.

— За что бьешь мою? — стала соседку бранить. Слово за слово, разругались бабы. Повыскочили мужики, собралась на улице куча большая. Все кричат, никто друг друга не слушает. Бранились, бранились, один толкнул другого, совсем было завязалась драка, да вступилась старуха, Акулькина бабка. Вышла в середину мужиков, стала уговаривать:

— Что вы, родные. Такие ли дни? Надо радоваться, а вы такой грех затеяли.

Не слушают старуху, чуть самое с ног не сбили. И не уговорила бы их старуха, кабы не Акулька с Малашкой. Пока бабы перекорялись, затерла себе Акулька сарафанчик, вышла опять на проулок к луже. Подняла камешек и стала у лужи землю ковырять, чтобы

на улицу воду спустить. Пока она ковыряла, подошла и Малашка, стала ей подсоблять, тоже щепкой канаву разводить. Мужики только драться начали, а у девчат по канавке вода прошла на улицу и в ручей. Пустили девчата в воду щепочку. Понесло щепочку на улицу, прямо на то место, где старуха мужиков разнимала. Бегут девчонки – одна с одного боку, другая с другого боку ручья.

– Держи, Малаша, держи! – кричит Акулька. Малаша тоже что-то сказать хочет, да не выговорит от смеха.

Бегут так девчата, на щепку смеются, как она по ручью ныряет. И вбежали прямо в середку мужиков. Увидала их старуха и говорит мужикам:

– Побойтесь вы Бога! Вы, мужики, из-за этих самых девчат драться связались, а они давно все забыли – опять по любви вместе, сердечные, играют. Умней они вас!

Посмотрели мужики на девчат, и стыдно им стало. А потом засмеялись сами на себя мужики и разошлись по дворам.

“Аще не будете как дети, не войдете в Царствие Божие”.